

Шевченко Т.Г.

28.03.92.

5 апреля 1847 года Тарас Григорьевич Шевченко возвращался в Киев из Седнева, что на Черниговщине, где он гостили и работали среди роскошной природы поместья Андрея Ивановича Лизогуба — человека мягкого, внимательного, как и все его семейство, влюбленного в Кобзаря.

Тарас в ту весну как раз достиг возраста Христа. Недавно приехал из Санкт-Петербурга, где успешно окончил воспитание в Академии художеств у самого Карла Брюллова... Выхлопотал разрешение и начал выпускать журнал «Живописная Украина»... Став сотрудником Археографической Комиссии, искался уже немало мест милой ему Украины... Недавно узнал, что его прошение на имя попечителя Киевского учебного округа о предоставлении открывшейся вакансии учителя рисования в университете св. Владимира удовлетворено...

А сейчас, в этот прекрасный апрельский день Тарас Григорьевич торопился на свадьбу к своему другу Николаю Костомарову, историку, этнографу, любимцу студентов и профессуры университета, где он тогда работал. В Броварах переоделся во фрак и таким франтом оказался на левом берегу Днепра, который в тот год по случаю ранней весны разлился широко и многоводно. Но... у переправы его ожидал полицейский чиновник, который, арестовав, тут же доставил поэта к самому генерал-губернатору Дмитрию Бибикову.

— Что это вы, Тарас Григорьевич, во фраке? — с издевкой спрашивал Бибиков.

— Я спешил на свадьбу к Костомарову, — отвечал Шевченко. — Я у него должен быть шафером.

— Раз так, — решил Бибиков, — куда жених, туда и его шафер! — и тут же вызвал караульного.

Арестовали его, как известно, по делу Кирилло-Мефодиевского общества.

В Петербурге, куда срочно переправили Шевченко, делом тайного общества лично занимался шеф корпуса жандармов граф Орлов. Разобрались быстро. «Ученый бред трех молодых людей» — такую характеристику дал братству Орлов, имея, очевидно, в виду, помимо Н. Костомарова, Пантелеймона Кулиша и Николая Гулака. С Шевченко дело обернулось хуже — у него в рукописях нашли ярую антицарскую поэму «Сон», и потому Орлов объявил его стихи произведениями «самого возмутительного содержания» и назвал поэта опаснейшим преступником.

Приговор был жестоким: «Художника Шевченко... определить рядовым в отдельный Оренбургский корпус... под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать». Последние слова были собственоручно написаны Николаем I на докладной записке Орлова. Узнав об этом, Тарас Григорьевич воскликнул: «Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произвести такого ходячего, нечеловеческого приговора».

После черного 5 апреля царская каторга вычеркнула из жизни гениального человека десять лет. Прибавьте сюда 13 лет крепостной неволи. Вот и получается, что жил-то Тарас Григорьевич по-человечески всего 13 лет.

Владимир МАЛАХОВ